

Орлов Давид
Константинович

24/5-89

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Сов. кинематограф, 1989, -
Попробуем 24.8.89, - с. 4
разобраться

Меня пригвоздил к позорному столбу киевлянин Л. Череватенко в статье «Перестраиваемся или делаем вид?» («СК» от 12.XI.88), назвав первым среди «последовательных разрушителей» Киностудии им. А. Довженко.

Неосведомленному читателю может показаться, что и Г. Чухрая, и Л. Шепитько, и С. Бондарчука, и С. Параджанова выжил со студии Д. Орлов. Вынужден дать справку из своей трудовой книжки: я заступил на должность в главной сценарной редакционной коллегии Госкино СССР 14 декабря 1972 года, а убыл с нее 30 мая 1978-го, что означает: перечисленные несчастья случились до начала исполнения мною роли шлагбаума на пути прогресса украинской кинематографии, каковым представляет меня автор.

В печальный ряд пострадавших занесен также Л. Быков, который много «энергии, времени, здоровья потратил на пробивание своих замыслов», что «укоротило ему жизнь»! Как ни печально вспоминать, но точность требует: жизнь ему укоротила автомобильная катастрофа. Относительно же «пробивания» скажу, что фильмы его неизменно сопровождался восторженным приемом на всех уровнях.

Далее, Л. Череватенко сообщает, что «киевские сценарии и заявки перекрывались в Госкино СССР, а взамен присылались ничуть не лучшие, а даже худшие, часто, между прочим, написанные теми же чиновниками...» Слово «часто» выделил я, бывший чиновник, потому что оно несуразно: помню, был единственный случай, когда редактор из Госкино В. Щербина, кандидат искусствоведения, сделал сценарий по Новикову-Прибою «Ералашный рейс», и его поставил на Киностудии им. А. Довженко начинающий тогда талантливый режиссер О. Фиалко. Право, та лента отнюдь не поколебала ни в какую сторону общий уровень продукции студии. Причем «влиятельный этот автор» не прикрывался вымышленной фамилией, в чем уличает представителей Госкино Л. Череватенко.

Что же касается лично меня, то я, профессиональный драматург, за пять лет работы в госаппарате вообще не написал ни одного сценария, ибо таково было требование начальства. С моей точки зрения, излишнее, поскольку во всем мире пишущие пишут, где бы они ни работали, но я то требование выполнял.

Я несколько подробнее остановился на этом моменте, поскольку непосредственно из указанного пассажа автор статьи делает карающий вывод: «А поэтому (!) справедливо было бы на руинах киевской студии поставить «памятник» таким последовательным ее разрушителям, как Д. Орлов, Е. Котов, Б. Павленок».

Хочется спросить: почему же товарищ Череватенко вместе со своими коллегами по студии не воспользовался открывшимся десятилетием от момента ухода из Госкино Орлова, а одновременно, кстати, и Котова до сегодняшнего дня, чтобы разгрести руины, а не живописать их с таким ошеломляющим опозданием?

Насколько трудно проходит перестройка кинематографа, видно хотя бы из помещенного в том же номере «Советской культуры» интервью с доктором философских наук В. Толстых. На Студии же им. А. Довженко дела идут совсем плохо, перестройку там благополучно заваливают, в этом, собственно, главный смысл статьи Л. Череватенко. Но поскольку других имен разрушителей он не называет, а только мое да еще двух москвичей, то остается недоуменно развести руками: а как это я мог мешать созидательным усилиям довженковцев, когда из трех лет перестройки два года с лишним вообще нигде не служу, находясь на так называемой творческой работе!

Согласен с Череватенко в главном: спасение студии «во многом зависит от самой студии... Дальше так быть не может». Но когда я вижу, путем каких доказательств он приходит к этой истине, то невольно задумываюсь — а были ли не правы те, кто в его другой большой статье, опубликованной в «Новинах киноэкрана», обнаружили «фактические, грамматические, методологические, нравственные ошибки», в чем он сам сейчас признается. В самом деле, так, как пробует это делать Л. Череватенко, не перестраиваются. Так только делают вид...

Давид ОРЛОВ.